

Екатерина
Завершнева

ВЫСОТКА

р о м а н

Самое время!

Екатерина Завершнева

Высотка

«WebKniga»

2012

Завершнева Е. Ю.

Высотка / Е. Ю. Завершнева — «WebKniga», 2012 — (Самое время!)

«Высотка» – это настоящий студенческий универсум начала девяностых. В нем есть Москва и Ленгоры, знаменитое высотное здание МГУ, зачеты, экзамены, разговоры на подоконниках, дневники и письма, много музыки, солнца и путешествий налегке. Главные герои «Высотки» интересны и важны себе и друг другу, серьезны и уязвимы так, как бывает только в юности. И все же в романе Екатерины Завершневой главное остается между строк. Это не сюжет, не подробности и даже не характеры, но сам воздух того времени. И, наверное, свобода, о которой так много говорят герои романа, не замечая, что они бессовестно, бесповоротно счастливы, и что этого счастья теперь ничто не сможет отменить...

© Завершнева Е. Ю., 2012

© WebKniga, 2012

Содержание

Вместо предисловия	5
Билет № 17	8
Лестница	12
Первое сентября	17
Гарик	24
Что-то происходило	26
Сурик	30
Квартира номер пятьдесят	33
Два письма	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Завершнева

ВЫСОТКА

Вместо предисловия

рассказать о нас как я это помню
от островка к островку
пробовала однажды, и вот:
слова-птицы разом снимаются с места
хлопают крыльями
носятся над землей, перекрикивая друг друга
куда нам теперь?
я предпочла бы просто промолчать
ведь остальные и так без меня обойдутся
разве что ты, Митя
может быть, это нужно тебе?
(Аська, перестань хныкать, говорит Митя
начни, наконец, – и увидишь сама, кому это нужно и зачем
хотя я представляю, что будет дальше:
Петя скажет – все было не совсем так
Гарик обидится, что его вывели непротивленцем
и припомнит тебе каждый случай
когда ему удалось стукнуть кулаком по столу
Баев опять возомнит о себе бог весть что
впрочем, что бы ты ни написала, он обязательно возомнит
Петя усомнится, а Гарик припомнит
поэтому заткни уши и пиши
если жизнь не расставила все точки над и
сделай это за нее!)
нет, Митя, ты не понимаешь
чтобы рассказать о нас (usbut not them)
придется выбросить то, что к теме не относится
в особенности крупное, проблемное и социально значимое
забить на потерянное поколение
за новостями не следить, в выборах не участвовать
оставить в покое «лихие девяностые»
собирать мелкое, незначительное
хуже того, сугубо личное, вьевшееся как ржавчина
невыводимое как солнечный ожог
думаешь, нас поймут?
(хватит изливаться, говорит Баев
подгребай ближе к делу – что там у тебя невыводимое
как пятно от портвейна на белом лабораторном халатике?)
ладно, давайте поименно:
из незначительного предлагаю оставить
Большую химическую аудиторию
двушки, пятнашки и жетончики на метро

пиво «Хамовники», «Медвежью кровь»
приватизационный чек на 360 Кб
письма, записки и выписки из зачетки
номера вагонов и комнат, все до единого
улицы Карла Либкнехта и Розы Люксембург
фоновый радиоэфир
длину саундтреков с точностью до секунды
наушники в кастрюле, яичницу на утюге
сахарную вату, Лёхиного кота
швейную машинку и слово «оверлок»
(которое страшно хочется вычеркнуть)
начальника поезда «Симферополь – Москва»
и даже кроссворд в киевской гостинице
который кто-то оставил на столике
на случай, если объявится заезжий эрудит
знающий все реки Индонезии
впрочем, это детали
а общее умонастроение можно выразить так:
нам по двадцать
ничего особенного, все как у других
но кажется, что это происходит только с тобой
(согласен, это весьма продуктивное заблуждение
подтверждает Петя, снимает очки, трет переносицу
глаза красные, опять торчал у компа, типа работал
и все-таки, что ты собираешься делать?)
очень просто, Петя, смотри –
рассказать:
о том, как встретились на лестнице
и дальнейшее тоже стало лестницей – путешествием к
добавить в скобках:
на лестнице не живут
там только курят, ссорятся или целуются
она ведет прямо на крышу
где небо опутано проводами
и отвесные звезды
признать, наконец:
прожили три года в голубятне над городом
были свободны, как может быть свободно
беспозвоночное, впечатанное в известняк
и тем не менее проиграли – как и все остальные до нас
(ой, только не надо опять про свободу, заводится Митька
я добросовестно внимал тебе, Баеву
вместе и по отдельности
но вы мне так и не объяснили
зачем столько сложностей, когда на самом деле все просто
freedom's just another word for nothin' left to loose
разве что-то изменилось с тех пор
как мы это слушали в два наушника
возвращаясь домой по ночной Москве?)

а закончить примерно так:

прошлое быстро выветривается
оставляя провалы и впадины
мертвые точки воздушного рельефа, рытвины звезд
словам не за что зацепиться
и только невероятная острота зрения
как будто зрительные волокна стянуты в точку
а там ранняя весна, обледеневший город
улицы, бульвары, сады, которых давно нет на карте
наглухо запертая комната, солнце в окно
старая мебель, пыль
подоконник, голуби
мы отсюда и не уходили
сидим в кармане, как яблочные семечки-близнецы
из которых еще неизвестно, что вырастет
когда их вытряхнут на ветер
все возможно, все решаемо
нет такой задачки, которую наши зубы
не перегрызли бы за одну ночь
да и ночи как таковой тоже нет
потому что нас несет один и тот же поток
света, времени и любви
пожалуй, для начала хватит
а теперь задавайте ваши не очень-то умные вопросы
(какие вопросы, Ася
ты ведь ходишь вокруг да около, вздыхает Митька
двигай дальше, не дрейфь)
(а мне понравилось про поток того-сего
внезапно заступается Баев
только я нифига не понял, куда нас несет
и зачем – этого докладчик пока не объяснил, ждем-с)
(Гарик: я тоже не понял насчет писем
ты их сама накатаешь или мои возьмешь?)
(Петя: госкомиссия удаляется на совещание
дико хочу есть, что у нас в холодильнике имеется?)
и пока они так высказываются
у меня есть немного времени, чтобы собраться
откопать старый дневничок
перетрясти внутренние записи
вернуться назад, в точку отсчета
в ту самую Большую химическую
относительно которой мы постановили
что ей в списке быть
С нее-то мы и начнем.

Билет № 17

(А точнее – с проливного дождя.)

Ранним утром я иду по городу, по шиколотку в воде, настроение боевое. Дождь закончился только что, ночь и не наступала (я решила не спать). В руках босоножки, в сумочке паспорт, экзаменационный лист, шоколадка, пять рублей денег и «Двенадцать стульев». Стандартный набор абитуриента, если не считать стульев – это мой талисман.

Через несколько дней – Олежка & Со, остряки-фаталисты, презирают любые экзамены. Пусть ботаны трясутся, судорожно листая Сканами, мы – на подоконнике, читаем вслух; к нам подтягиваются, любопытствуют, просят погромче; гогочут, пока дяденька в черном костюме заывает нас из дверей с табличкой «БХА». Пора так пора! Раньше сядешь – раньше выйдешь, говорит Олежка, и двое ботанов по соседству нервно смеются; мы встаем, картинно обнимаемся, и будь что будет.

(Да ничего не будет – сдадим... Химфак – не мехмат, а при наборе в четыреста человек реальный конкурс гораздо ниже, чем пишут на стендах. Продрался через математику – дело в шляпе.)

Через неделю «Стулья» проштудированы, на очереди мафия, ассоциации и контакт. Мы с Олежкой обыгрываем остальных всухую. Остальные возмущаются и требуют пару разбить, потому что им так неинтересно. Зато мне интересно – я на седьмом небе. Ради этого поступаем? чтобы сидеть на подоконнике и умничать?

Ассоциирует она! Лучше бы подумала, что дальше будешь делать на этом химфаке, говорит Олежка ехидно. Податься в самодеятельность? Капустники сочинять будешь? Зачем тебе химия, скажи, пожалуйста? любопытствует он (вовремя!), когда самые страшные экзамены позади.

По нашему клубу любителей Ильфа-Петрова статистика весьма позитивная: к концу абитуры утеряны только двое, остальные прошли по кромке, то есть по четверкам. А пятерок в МГУ и не ставят, во всяком случае, за математику; обладатель четверки – герой, Геркулес, придушивший Немейского льва; да, мы герои, *we are the champions*, остался последний, пустяковый экзамен, и студенческий билет в кармане, а вместе с ним и новая жизнь.

Новая жизнь наступает стремительно. Двадцать восьмого июля в половине шестого утра (вот она, точка отсчета!) обнаруживаю, что сегодня совсем повезло – мой последний экзамен папа проспал. Хлопнул по будильнику, перевернулся, всхрапнул и затих. Я – на кухню, на цыпочках: наконец-то одна! своя собственная! и никто не будет следовать тенью отца Гамлета, компрометируя в глазах клубной общественности.

Вчера папа оговорился, что ему тоже надо в Москву, «по своим делам». Конечно, опять собирался полдня просидеть на лавочке возле памятника Ломоносову с бутылкой кефира и пузырьком валерьянки. До сих пор ни одного экзамена не пропустил, неся вахту возле памятника, чтобы вовремя оказать мне первую помощь, когда я выйду из аудитории зареванная, не сумевшая преобразовать систему уравнений, превратить синус в косинус и уж тем более решить задачку с параметром. Или внятно объяснить, чем алканы отличаются от алкенов, алкинов и алгонкинов.

Как насчет свободы передвижения, папа? торжествую я про себя, наскоро поглощая «легкий» завтрак (который в мамином представлении почему-то состоял из яичницы с сосисками и хлеба с маслом). Имею я право проехаться в электричке одна? молча смотреть в окно, обгрызая шоколадку (ну нет у меня сил терпеть до экзамена!), или просто дремать, заваливаясь на соседа, вместо того чтобы беседовать с тобой о поверхностном натяжении и рисовать в блокноте капельку дождя на подлете к земле?

Папа не только физик-аэродинамик, он еще и педагог. Любит изобретать задачки по ходу движения транспорта, с опережением, чтобы проверить мою так называемую сообразительность. Вполголоса он не может, особенно если речь идет о науке – мешает двадцатилетний преподавательский опыт. Соседи по скамеечке смотрят снисходительно, некоторые даже пытаются подсказывать. Оно и понятно – в этой электричке сплошь аэродинамики с некоторыми вкраплениями электротехников и инженеров-приборостроителей (конечная станция – «Академгородок»), и только на двадцатом километре в вагон садятся нормальные люди, которым интересно про футбол, а не про то, чему равняется «сигма» или «ро». И тогда ненормальные тоже переключаются на футбол, а сплюснутая капля, нарисованная на листке из блокнота, летит и летит к земле, счастливая уже тем, что о ней наконец-то забыли.

Вообще-то папе было чем заняться. Во-первых, горел квартальный отчет. Во-вторых, на нем висела разнесчастная летно-исследовательская лаборатория, которую руководство давно мечтало закрыть за недостатком финансирования, а всех сотрудников к чертям разогнать. Папа без работы не остался бы и даже мог пойти на повышение, – в соседней лаборатории как раз сняли начальника, – но не ходить же по головам! Мы здесь со дня основания, возмущался он; взять хотя бы Витю Семенова – уникальный специалист, «Буран» продувал, и вот его увольняют, а я остаюсь. Как они это себе представляют?

В общем, у папы классический, интеллигентский *скверный характер*. Ни дня без добрых дел, в ответе за все (буквально: *за все*), поэтому и в мою подготовку к экзаменам он вложил на совесть.

Начали с азов: первая совместная математика проходила по-пифагорейски, за выяснением того, что такое число и почему этого не знает ни наука, которая умеет много гитик, ни философия, которая ничего-то не умеет и не знает. Потом поползли по школьной программе, чтобы «освежить голову» и пойти в атаку на задачки повышенной сложности, выданные на подготовительных курсах. Особого прилежания я не проявляла и папа по-детски обижался, когда все ненужное наскоро выносилось за скобки. Жалобно просил *аккуратней обходиться с маленькой «т»*, когда я норовила ее сократить, как будто это обиженный зверек, которому не налили в блюдечко молока.

И вычитывал мои шпаргалки! а я писала по четыре строки в одной: весь экзамен на подоле юбки (если пришить) или в кармане (если пришивать лень). Находил ошибки, подчищал их лезвием, после чего вписывал недостающее.

Мама при виде этого зверела. Кто у нас поступающий – ты или она? Зачем девочке математика? Мало моей загубленной жизни? Вот увидишь, ее срежут на первом же экзамене. И прекрасно, и замечательно – займется чем-то более подходящим. Перестань упрямяться и вернись в Сорренто, дорогая (это уже мне). Татьяна Александровна простит, у нее в классе есть свободное место. Поработаешь, восстановишь форму, сначала в хор, а потом видно будет.

Ну что ты, мама, – отмахивалась я, – какой хор, мы тут все индивидуалисты. Я уже решила – нет. Петь буду только в пьяном виде, и только «Ой мороз, мороз».

Отец, скажи ей!.. – стонала мама, – я больше не могу. Это не человек, это истукан. Променять музыкальную карьеру на какой-то химфак!.. с ее-то данными!..

Но папа тер бритвой шпаргалки и молчал.

Каждое утро, собираясь на работу, родители обсуждали мои жизненные планы прямо над моей головой. Их педагогические стили, не совпадая ни в одной точке, на бесконечности сходились. Ей – то есть мне – надо учиться. Она – то есть я – отлынивает. Вывод: после полновины девятого спать нехорошо, стыдно, а после девяти – просто грешно. Ася, петушок пропел давно. Подъем, подъем, кто спит, того уьем (и трубят в ухо пионерскую зорьку, нарочито давая в финале того самого петуха). Вставай, наконец! Хватит придуриваться, мы знаем, что ты не спишь.

(Знают они!.. Давно заметила: бодрствующие, особенно те, которые встают не по своей воле, смертельно завидуют тем, кому вставать не надо, попутно производя массу шума: суеются, умничают, обсуждают – с раннего-то утра! – мировую и региональную политику; делаются ироничными, втыкают в мирную спину спящего ядовитые стрелы острот; роняют разнообразные предметы, иногда бьющиеся; хлопают дверьми, громко завтракают, чистят зубы, ищут обувную или одеждуную щетку, проездной или ключи; долго не могут попасть в замок, и, наконец, с кашеевым скрежетом заперев дверь на три оборота, хотя было бы достаточно и одного, все равно уходят несчастными. А я спокойно переворачиваюсь на другой бок и досыпаю.)

И так ежедневно. А если не поступлю?

Запилят до смерти.

И вот наконец-то еду на последний экзамен, дожевывая стратегический запас шоколада, глядя в окно на проносящиеся мимо подмосковные дачи. Последний рывок – и всем (всем!) станет легче. Включая меня.

Электричка прибывает в восемь, потом сорок пять минут метро, еще пятнадцать пешком по университетскому парку – и ровно в девять я уже в аудитории. Числа и действия с ними. Каждый из нас тогда постоянно складывал в уме – простейшая арифметика, сколько еще нужно, чтобы. В прошлом году – тринадцать баллов, в этом, говорят, сойдет и двенадцать, а сочинение на зачет. Делим на три, получаем «четыре», итого задачка на равновесие. Главное, не выйти из себя, ничего лишнего. Как говорит Олежка, поменьше фантазии, на экзаменах это не приветствуется. Никаких деепричастных оборотов, будьте проще.

Сам Олежка, будучи выходцем из республики Коми, никакого сочинения не писал. Ему по закону полагалось право на диктант, которым он в итоге и воспользовался, чем навлек на себя множество насмешек, однако на любые выпады в свой адрес реагировал более чем спокойно, предпочитая короткие и нетрудные пути к цели. При всей своей дурашливости Олежка был здорово подкован, производные шелкал как семечки, но старательно косил под дурачка. Меня всячески опекал (я бы сказала – чересчур; в столь плотной опеке я не нуждалась, и если бы ее стало меньше, не расстроилась бы), угощал черешней из кулька (немытой, разумеется) и ежедневно сопровождал до станции метро «Ждановская». Нет, не потому, о чем давно подумали остальные члены клуба, и вовсе не из благородных побуждений. На «Ждановской» обитала его тетка, одинокая бездетная дама, у которой Олежка окопался всерьез и надолго. Далековато, конечно, зато в итоге горячий ужин и глубокий сон, а у этих, в общаге, такое творится!.. я бы там и дня не протянул, а ты и подавно – срубилась бы, затейница ты наша. Тебе ж во все надо влезть, я правильно понял? Вот и влезла бы на свою голову... А так, чего доброго, и поступишь, и мне с тобой еще пять лет до «Ждановской» мотаться, эхехе.

(Он счастливчик, Олежка, видно даже по физиономии – веснушки, пионерский дискант, море энтузиазма. К этому добру льняные кудри да щечки-яблочки. Не мой тип, но на каникулах наверняка буду без него скучать.)

Экзамен-то безобидный – химия, мое недавнее увлечение. Тут шпаргалки нужны разве что для галочки, как аварийное оборудование на самолете. Если вам спокойнее от того, что под сиденьем впередистоящего кресла находится спасжилет, то пожалуйста, хотя вообще-то смысла в нем никакого, кому суждено потонуть – потонет, рассуждаю я, а время тает, капает, бежит, пора за работу.

Вытянув билет и заняв сладкое местечко в верхних рядах, первым делом проверяю подол юбки, к которому накануне пришила шпаргалки (вверх ногами: отгибашь и смотришь, и не надо ничего доставать из кармана или рукава); но увы – бумажки намокли и отвалились, а формулы, выведенные на коленках шариковой ручкой, расплылись напрочь (ливень!); Олежка далеко, на другом конце аудитории; вокруг все жутко серьезные, уткнулись в черновики, каж-

дый сам за себя и не подходите к ним с вопросами. Хорошенькое начало. Впрочем, до сих пор ничьими подсказками не пользовалась, и сейчас не планирую.

Ну-с, что у нас там:

Билет № 17.

1. Сурьма и ее свойства.
2. Диеновые углеводороды.
3. Крекинг нефти и ее производные.

Легкотня! Хотя второй вопрос неприятный, да. Не люблю органику – тоскливый раздел, где все определяется номенклатурой и никакого тебе полета фантазии. А как мерзко пахнут органические соединения, во всяком случае те, которые доступны для примитивного школьного синтеза!.. Однако надо признать – с билетом мне повезло, хотя не мешало бы проверить себя, на всякий случай. Ну хоть что-то должно было остаться от тех формул? Хотя бы крекинг нефти?

Ничего, ничегошеньки. Вздыхаю, перевожу взгляд на своего соседа; оказывается, он все это время разглядывал мои коленки с не меньшим интересом; быстро одергиваю юбку и строго смотрю на него (мама осталась бы довольна). Обыкновенное лицо, узкие губы, смеющиеся глаза. Худоба, темно-русые волосы. Не за что зацепиться, прямо скажем.

Вам помочь? спрашивает он, улыбаясь.

Так он еще и находчивый! Я ответила в том духе, чтобы помог себе сам, и занялась сурьмой металлической, аморфной и черной взрывчатой, ее электронными оболочками, свойствами и соединениями.

(А теперь самое время прихвастнуть...)

Кто, кроме меня, в этой аудитории может знать все модификации сурьмы? В школе виды сурьмы не проходят, а я их знаю, даже температуру фазовых переходов помню наизусть. Память у меня что надо. Правда, я могу запоминать только то, что цепляет, но вот какая штука – цепляет все, даже сурьма.

Вообще-то я специализировалась на языках, и по окончании школы прилично знала один, и на полприличия – еще один, но внезапно выиграла городскую химическую олимпиаду. Кому-то надо было идти на химию, мною заткнули дыру в школьной команде, а я возьми да выиграй. Послали бы на физику, сидела бы сейчас в точно такой же аудитории, в доме напротив, на физфаке, и мучительно вспоминала бы какое-нибудь правило буравчика. Потому что и буравчик тоже цепляет, особенно если физику ведет молодой выпускник пединститута Вася Бородин, в которого наш класс влюблен без памяти, ну и я заодно.

Впрочем, если обобщить вышесказанное, все равно не понятно, почему я сижу именно в этой аудитории, а не в другой... Мда.

(Счастливая натура, хихикает Олежка, только уж больно беспокойная. И хвастунья при том, аж уши вянут. Погоди, тебя тут приструнят. В МГУ все гении, не ты одна.)

Но я отвлеклась. Олежка меня опять отвлек и я быстро забыла про темно-русого, который тогда пошел отвечать первым, хотя его никто и не вызывал. За двадцать минут все накалякал, пробежал глазами – и на амбразуру.

Пижон, подумала я. Не лучше ли сто раз отмерить, прежде чем отрезать?

Уходя, даже не глянул. Насчет помочь тоже больше не интересовался.

Вычеркиваем.

(Если бы мне тогда кто-нибудь сказал, что это тот самый Баев...)

Лестница

Второй раз мы с Баевым встретились на лестнице, возле финальных списков, еще не зная, что оба приняты и долго не задержимся здесь.

С утра палило солнце и ни о чем, кроме заслуженного отдыха, думать было невозможно. Билеты на поезд куплены, белое платье осталось только подшить. Выбрать момент и закончить, иначе скандал, а зачем мне осложнения, перед самым-то отъездом?

Платье создавалось в строжайшей тайне, из метрового отреза ткани, выданного мне для пошива приличной юбки, т. е. хотя бы до колена, а еще лучше – до середины икры (мамино словечко, из словаря аквариумиста-любителя). Мама мотивировала свои требования тем, что все новое – это хорошо забытое старое, и что в моде снова миди и даже макси. Прозрачный педагогический прием, на который я купиться не могла. Пускай они у себя на работе носят миди и даже макси, а мне до зарезу нужно было короткое, я так решила.

Задача безнадёжная, вроде квадратуры круга. Согласно учебнику кройки и шитья, из этого кусочка можно было смастерить: а) юбку, б) передник и в) шортики. Но учебники я презирала: на глазок получалось проще и вернее. Приложил к себе, заколол булавками – и сразу видно, где отрезать, подогнуть или пристрочить... А глубину вытачек пусть считают другие, кому не видно.

Резать я не боялась никогда. Это у меня от бабушки, которая полжизни проработала костюмером в Большом театре, пока ее не поперли оттуда за – конечно же! – скверный характер. Бабушка была эдакой русской m-lle Chanel – прямая, стройная, с вечной папироской в углу рта и неиссякаемыми идеями о том, как из ничего сделать что-то. До войны она обшивала московскую богему, была знакома со множеством «интересных людей» и любила об этом поговорить. Во время ее рассказов мама заметно нервничала и под любым предлогом пыталась увести детей из зоны поражения. Но все бабушкины байки – и про бурные двадцатые, и про подлые тридцатые – я знала наизусть, как и поименный список ее мужей, возлюбленных и просто поклонников. И могла бы при случае дословно воспроизвести.

Да, бабушка была мировая. При такой наследственности, утешала я себя, мне совсем не обязательно строить выкройки на бумаге или носить то, что носят другие. Придумаю лучше.

И придумала. Верх на бретельках, высокая талия и юбка-колокольчик. Длина рискованная, но все-таки длина!.. И тем не менее я понимала, что если мама вовремя обратит внимание на мое новое художество, поездки в Одессу может не получиться. Слишком много отягчающих обстоятельств – город южный, нравы свободные, а мне семнадцать лет. Я прятала свое произведение в шкафу, намереваясь подложить его в чемодан в последнюю минуту. Еще три дня, каких-то три дня – и я буду далеко отсюда, в белом платье, у самого синего моря!..

А сегодня – обнаружить себя в списках зачисленных и бегом на набережную, к Москверке. Нет, сначала позвонить родителям, раз уж обещала. Папа выдал целую горсть пятнашек, завязанных в детский носок – и не говори потом, что монетки не нашлось. Одну прозвоним, на остальные мороженого и плюшек. Вот и вся программа.

В вестибюле к телефону очередь; промаялась полчаса. Пятнашка провалилась в щель, в трубке загудело (высокий зуммер, не московский). Что бы им такого сказать, чем огоршить? Ладно уж, они там и без того как на иголках. Все в порядке, папа, на ближайшие пять лет мое будущее определено наилучшим образом. Я теперь человек, я больше не абитуриент. Поздравь: студент – это звучит гордо. Чушь, которую нес каждый второй в очереди на телефон, пытаюсь быть оригинальным.

Позвонила – молодчина. Олежку ждать будем?

Не будем – опять увяжется. Могу я хоть раз прогуляться без него?

Вниз по лестнице, мимо Ломоносова – и в парк.

И тут сверху что-то расколосось, грохнуло – и понеслось.

Барышня в платьице с отложным воротничком
(она бы еще передник надела, а на макушку бант!)
пронзительно взвизгнула, бросилась под крышу
по лестнице потекла вода
к ступеньке прилип пробитый автобусный билетик
прическа осела, как мартовский сугроб
придется снять заколки и вымокнуть
что я и сделала сразу же
платье прилипло к телу до полной прозрачности
напомнив любимое кино шестидесятых
мне двадцать лет или, еще лучше, *иольский дождь*
смотрела как откровение когда было тринадцать
мечтала попасть туда, в свои двадцать, любой ценой
и больше не взростеть
трах тарарах жжах бааабах
вода теплая и пахнет *атмосферным электричеством*
потому что мы в святая святых
перед нами памятник основателю российской науки
который, кажется, сконструировал громоотвод
(или это был кто-то другой?)
как быстро выветрились знания
с таким трудом втиснутые в эту голову за десять лет
помню, на картинке из учебника
естествоиспытатель-герой падал, схватившись за сердце
молния прошла его насквозь во время опыта
на благо науки, конечно
(ух, как шарахнуло!
не пора ли под крышу?
или пробежаться до остановки, там переждать?)
надо мной внезапно выстреливает зонт-автомат
сиреневый да еще в цветочек
и снова тот глуховатый голос:
любите мокнуть под дождем
или это у вас от избытка чувств приключилось?
рады, что зачислены в сие богоугодное заведение?
я тоже, так давайте радоваться вместе
вы, я и вон тот господин, который – спасибо ему –
пожертвовал своим зонтом ради вас
ради нас, я хотел сказать
он первый заметил, а я быстрее подбежал
эй, Серый, иди сюда!

– Здравствуйте, – говорит Серый, отряхиваясь, как большая собака эрдельтерьер, – ну и дождь.

– Это ты называешь дождем, лишенец? Это тропический ураган! – продолжает витийствовать темно-русый. Думает, наверное, что неотразим. Балабон.

– Мы вас видели с книжкой и поспорили, в какую группу зачислят, – поделился Серый.

– В сто двенадцатую, – говорю. – А что?

– Повезло тебе, чертяка, – вздохнул Серый, толкая балабона локтем. – А я из сто одиннадцатой, соседями будем. Этому всегда везет, он везунчик. Я с ним десять лет в одном классе учился, знаю. – И снова вздыхает, как собака, которой обещали косточку, да не дали, но она привыкла, ей не впервой.

(Хороший парень этот Серый, и языком не мелет почему зря. Из них двоих, пожалуй, он.)

– Дождь вот-вот закончится, времени вагон. Погуляем? – сказал тот, что мелет языком.

– Не могу, мне надо на вокзал, дядю встречать.

(Господи, ну и дура, какого дядю?! Получше ничего не могла придумать?)

– А дядя у нас кто? Волшебник?

(Прочитировал? Сострил? Но мы не будем улыбаться, мы ответим ему как придется, потому что и у нас внезапно чувство юмора отказало. Промокло и раскисло. Про дядю, конечно, получилось так себе, плоховато получилось, неубедительно. Но надо довести начатое до конца.)

– А дядя у нас сердитый очень. Между прочим, коренной одессит. Обидчивый как дитя, опозданий не прощает. Опоздавшему читается лекция о том, почему так делать не надо, а я еще не готова к лекциям. И последний месяц вольной жизни хочу провести без лекций, причем провести его *как не надо*.

– Любопытно, весьма и весьма, – сказал остряк, прищурившись. Кажется, теперь ему действительно стало любопытно. – Проведите его с нами, мы вам лекций читать не будем. Мы тоже хотим *как не надо*. Научите? И если вы это прямо сейчас выдумали, про дядю, чтобы от нас сбежать, то напрасно. Мы хорошие. Мы просто отличные. Разве не видно? С первого взгляда?

– Дядя, – говорю я холодно, обжигаяще ледяным голосом, почти антарктическим, – живет в районе Молдаванки, на улице Орджоникидзе, бывшая Разумовская. Поезд прибывает через час. Приятно было познакомиться.

(Правда приятно? Когда на тебя узенькими глазками смотрят и говорят банальности?)

– Значит, отложим прогулочку до осени. До первого сентября, если не проспите. Не советую, будет живенько – это я вам обещаю.

Хвастун, болтун, пижон

формулировочки такие пошловатенькие

но почему тогда расхотелось уходить

почему же я прокляла свою убогую фантазию

а заодно и ни в чем не повинного дядю

ожидающего меня со дня на день

в доме на улице Орджоникидзе

минута, остановка, стоп-кадр

лестница, мокрый билетик, прилипший к ступеньке

и предчувствие (так это называется в книжках?)

что сейчас с тобой заговорят и все изменится

мир сдвинется, перевернется

и покатится в тартарары

(и потом этот голос...)

обыкновенная гроза

ничем не примечательное знакомство

начало августа, мокрое платье, горсть пятнашек

кто бы мне тогда сказал, что и это в рамках программы

причем обязательной – не поверила бы

пообсохла в метро, добралась до вокзала

купила пирожок с повидлом, ужасный, резиновый

но после всего пережитого очень хотелось есть
задремала в электричке, чуть не проехав станцию
пронеслась по Гагарина, потом по Молодежной
трижды повернула в замке ключ
(ага! я первая! они еще не приходили!)
скинула босоножки
отрезала хорошенький ломоть черного хлеба
посыпала солью, включила радио
а там песенка про снег
про то, как он идет и всё вокруг чего-то ждет
люблю ее с детства
дома никого, самое время закончить платье
впереди целое лето, последнее беспечное лето
которое мы, конечно же, проведем как не надо
но для начала нужно выспаться и благополучно забыть
сурьму и ее свойства, правило буравчика
закон всемирного тяготения
коленки, дядю, сиреневый зонт
и этого, который мелет языком.
Согласилась бы ты теперь?

* * *

10.08

Моя дорогая Одесса!

Ты совершенно не изменилась, не постарела ни чуточки. Бульвары, трамваи, фонтаны, облака сахарной ваты, грязное любимое море – что еще нужно для счастья? Как будто в детство вернулась – жара, дядя Веня, бабушка Тамара...

Асенька, погадать на трешового короля? Или на червонного?

Нет, червонных нам не надо, бабушка. Чем гуще масть, тем лучше, ты ведь сама говорила.

Тот червонный, школьный, в которого я была влюблена пять лет без передышки, оказался дураком. Представляешь? Поговорила с ним пять минут на выпускном – и любви как не бывало. Теперь я совсем свободная, и дядю Веню это огорчает. Я надеваю новое платье, а он возмущается, что таких женщин у нас в роду отродясь не было. И сам себя не слышит от возмущения, даже этого вроду-отродясь. Грозится запереть в ванной, откуда я уже не выберусь, потому что ванна сделана на совесть, сам стенки клал, вот этими вот руками.

А в чем причина его гнева, знаешь? Разгуливать под руку с мичманом да по Приморскому бульвару – страшный грех, даже если это хорошо знакомый, крайне положительный субъект, друг семьи. А я разгуливаю. И мне нравится.

Друг семьи высокий, как фок-мачта, и очень надежный. Про себя называю его «товарищ Морфлот». От него пахнет вишневым табаком и веревками. Разговариваем на вы, это красиво, это подчеркивает дистанцию, которая между нами о-го-го какая, и одновременно снимает ее.

Вот что я пишу, а? Не знаю. У него невеста, у меня – будущее. «Вы будете вспоминать меня как нечто экзотическое. Впрочем, через две недели вы обо мне и не вспомните, потому что у вас начнется новая жизнь».

Он прав, бабушка.

Все как прежде, только я теперь другая.

Взрослая, наверное?

Первое сентября

Первого сентября к нам пришли зубры – физхимики, твердотельщики, материаловеды с мировым именем, аспиранты и старшекурсники. Рассказывали о головокружительных перспективах и новых методах, голова кружилась черт знает от чего, может быть, и от перспектив. Ядерномагнитный резонанс, сокращенно ЯМР, у нас им занимается Кричевский, по списку в его лабораторию идут...

Трое наших и трое кубинцев, которых родина откомандировала, а русскому языку не научила; но это ничего, они рады и так; улыбаются, пританцовывают, а уроки русского начнутся завтра. Кричевский красавец, но резонанс – это не мое. Я попадаю в лабораторию высокотемпературной сверхпроводимости, сокращенно ВТСП, нас там пруд пруди, свеженькое направление, а между тем уже разработаны доступные для массового производства полимерные материалы, которые... Может быть, кому-то из вас повезет и он откроет... А вообще желаем побед во всех областях, не только в науке, потому что у вас начинается самый интересный, самый насыщенный жизненный период...

– Самое интересное тут – это столовка, сказал кто-то прямо над моим ухом. – Если вовремя не влезть в очередь, будешь ходить голодным до вечера.

Обернулась: смеющиеся глаза, узкие губы – тот самый, с лестницы. Как его зовут-то? Без пиджака, в понтовой джинсовой курточке. Только этого не хватало.

– Значит, ты вэтэспэшница? Поздравляю. Помрешь от скуки месяца через два. Будете смешивать, греть, капать на подложку, сканировать, потом опять смешивать, греть, капать и так без конца. Наукой тут и не пахнет, скорее аптекой. Милая барышня в белом халатике. У них в лабе есть одна, Ирина. Познакомьтесь, все веселей будет. Извини, что я сразу на ты, предпочитаю без церемоний.

Наша сто двенадцатая не просто учебная группа, это исследовательская площадка, и многие из вас уже попробовали свои силы... Пять победителей и участников международных олимпиад, три печатных работы, мы отобрали вас...

– ...у конкурентов, – продолжал комментировать тот самый голос, – у сто одиннадцатой. Там участников вдвое больше, потому что чистая физхимия куда круче нашей, полуприкладной. А тебя за что отобрали? Ты участница?

– Нет. А ты?

– Типа того. Только я не международник, а всесоюзник. Международники в сто одиннадцатой, а мы рылом не вышли. Как тебя вообще угораздило сюда попасть?

(Опять двадцать пять! Не буду же я, в самом деле, рассказывать:

- о чудесно гладких пробирках, в которых даже обыкновенная вода выглядит как слеза единорога или эликсир вечной молодости;

- о круглых колбах для пучеглазых рыб, неизвестных науке биологии;

- о бомбочках-бертолетках под ковриком у соседей;

- о силикатных водорослях и кристаллах медного купороса, сине-зеленых сокровищах пиратских кораблей;

- о фараоновой змее и берлинской лазури – великолепно звучит! и разве этого мало?..)

– Трудно сказать. Наверное, случайность.

– Честный ответ, хвалю. Давай руку и линяем, здесь ловить нечего. Сейчас я выцеплю вон того видного ученого, он проведет нам индивидуальную экскурсию по универу. Мой земляк, Ридна Украина. А ты москвичка?

Рука была невозможно худая, как будто он в столовой никогда не пасся, а перебивался кое-как на подножном корму. Траву жевал, например. Я посмотрела на него повнимательней, пока он шептался с земляком. Нет, этот траву жевать не станет. Кого же он мне напоми-

нает-то?.. Овчарку, точно! Немецкую овчарку чистых арийских кровей. Такие мальчики нужны Германии, сказал бы Олежка. Уж он припечатает так припечатает.

Земляк, поздоровавшись со мной, представился:

– Богдан. Редкое имя, легко запомнить. А Баев у нас молодец. В группе три девушки – и он уже перехватил самую красивую. Ну что, обедать?

Они решили меня смутить и обезоружить, или так, шутки шутят? Игнорируем. Запрашиваем подкрепление.

– У меня встречное предложение – давайте возьмем Олежку, он тоже голодный, он вообще без еды жить не может.

– Не бойтесь, – засмеялся Богдан, – Баев вас не съест, он занят. Правда, Саныч?

– Сдал как стеклотару, – буркнул Саныч, – и рад-радешенек. Ты, можно подумать, свободен.

В столовой было людно, но Баев сразу ввинтился в очередь, которая, повозмущавшись, расступилась. Стояли, стояли, вон за тем светилом науки. Как, девушка, вы не знаете, что он светило? Сейчас расскажу...

Я никогда раньше не была во взрослой столовой и растерянно оглядывалась по сторонам; меню в одном углу, раздача в другом, названия блюд ничему соответствуют – по внешнему виду сложно опознать, гуляш это или котлета, или печенка в сметане, все одинаково несимпатичное на вид. Не шелкай клювом, бросил мне Баев, принимая у распаренной работницы столовой тарелку, политую чем-то коричневым. Тут все несъедобно, но питаться надо, иначе протянешь ноги. Мне то же самое, сказала я распаренной. Она шмякнула то же самое на тарелку, но соуса явно пожалела.

– Вы только посмотрите на нее, – хихикал Баев за столом, – собрала все цвета радуги – тут тебе и свеколка, и морковочка, и зеленое яблочко. Как будто палитру подбирала, а не комплексный обед. Художественный склад у девушки, а она в химии подалась. Это какая-то ошибка природы. Химия, знаешь ли, портит руки и иногда лицо. Видела Коренева? Нет еще? Он у нас будет вести малый практикум. У него один глаз стеклянный, не шучу. Говорят, по молодости заглянул в лазер, очень захотелось посмотреть.

– Оставь девушку в покое, – сказал Богдан, – они у нас и так не задерживаются. Программа трудная, спецкурсы, математика с мехмата... Вы уже, наверное, обратили внимание, в методичке... Не обратили? А посмотрите вечером. Если что – всегда рад помочь.

– Какой ты быстрый, – вмешался Баев, – помогать буду я. Хотя ей сейчас методички рановато открывать. Для начала надо научиться выживать в столовке, это же разбойничье гнездо. Запросто могут подсунуть кормовую свеклу вместо сахарной. Или от мертвого осла уши. Вкусный гуляш?

– Вообще-то не очень.

– Привыкай, теперь это твоя основная пища. Не бойся, козленочком не станешь. Я вот не стал.

– Помолчал бы лучше, – сказал Богдан, – видела бы тебя твоя мама.

– А что мама? Мама осталась бы довольна. Я соблюдаю ее главный завет – не бутербродничать. Даже суп иногда беру. Допивай свой свекольный компот и пошли. Ты не знала, что он свеклой крашенный? Ну ладно, ладно, не буду.

– Куда – пошли?

– Для начала учебники получим. Ты ведь не собираешься их таскать на себе, правда? Потом покажу тебе весь этот величественный комплекс, выстроенный во славу науки, а часиков в восемь посажу в метро, у меня дальше делишки кое-какие есть. Ну, годится идея?

После обеда Богдан отделился от нас, ему нужно было возвращаться на кафедру. Баев утих, перестал хохмить и даже ненадолго сделался мрачным. Мне показалось, он что-то напряженно обдумывает, но я еще не знала, что у него нет такой привычки. Во время короткого

перекура на ступеньках столовой он тихонько насвистывал какой-то мотив, потом кривовато пропел: *а мы живем для того, чтобы завтра сдо-оохнуть, най-на-на, най-на-на, най-на-на*, затушил сигарету и посмотрел на меня. Она еще здесь, надо же.

– Дурацкая песня, – сказала я, – терпеть ее не могу. Они думают, что разразились чем-то оригинальным. А там кроме *най-на-на* ничего и нет.

– Тебе надо оригинальное? – спросил он, усмехаясь.

– Мне надо со смыслом, – уперлась я, хотя разговор был тухлый. – А у них эпатаж дешевый. Знаешь, что это мне напоминает? Когда сквозь зубы сплевывают – такая у них музыка. Мальчики с бритыми затылками и ограниченным словарным запасом. Три слова на все случаи жизни.

– Вот оно что! А я как раз такой мальчик, из провинции, – он ничуть не обиделся, даже наоборот, как будто получил шанс показать себя в лучшем свете. – Мне можно.

У меня жизненные цели простые. Потрогай мой затылок, не стесняйся. Славная щетинка. А вот ты – чего ты хочешь от жизни?

– Щастья.

– Эт правильно, – согласился Баев. – Ты же девочка. Девочки должны быть щасливы, иначе зачем они тут.

– А ты?

– Я хочу прожить жизнь так, чтобы было о чем вспомнить на свалке, – сказал он, глянув на меня искоса, оценила или нет. По-видимому, это было тщательно выпестованное и очень программное высказывание. – Короче, давай свою пятипальпу, пошли.

– Что дать?

– Руку, недогадливая. Педипальпы – это руки-ноги у членистоногих. А у таких, как ты – пятипальпы. Посчитай, если не веришь.

Он схватил меня за руку и потащил вперед. Я вырвалась и остановилась посреди улицы.

– Ну что опять? – поинтересовался Баев, немного притормаживая.

– Почему это я должна за тобой всюду бегать?

– Потому что ты мне нравишься. Мы с тобой одинаковые. Еще вопросы?

Проходивший мимо мужчина с портфелем хмыкнул:

– Вот это я понимаю. Укрощение строптивой, да?

– По-другому с ними никак, – серьезно ответил Баев, и, повернувшись ко мне, вдруг улыбнулся.

(Я не знаю, что это было. Влюбляться мне уже приходилось, и неоднократно – ничего похожего. Он мне несколько не нравился. Некрасивый, я бы сказала – вызывающе некрасивый, худой, говорит глупости, иногда даже гадости, и лицо у него злое. Но вот улыбка...)

– Ладно, если ты не хочешь в библиотеку, поменяем курс. Ну их, твои книжки, завтра получишь. Не для того придумали первое сентября. Пойдем купаться.

– ?

– Купаться буду я, а ты посидишь на солнышке. Пойдем сначала на смотровую, потом спустимся на набережную. В фонтане я сегодня плавать не расположен. Фонтан оставим на завтра.

Солнце, тишина

тополя пожелтели, просвечивают золотом
мелкая китайка сыплется под ноги
здесь столько яблонь и никто не собирает
и ты не трогай, они засвинцованные
растут вдоль дороги, накапливают свинец
висмут и прочую редкоземельную муть
если ты еще помнишь таблицу Менделеева

или экзамены сданы, с глаз долой, из сердца вон?
взяться за руки, не имея на то никаких оснований
играть в романтику, провоцировать
на умиление-возмущение
и при этом держать дистанцию
а внутри любопытство
жгучее, как любовь
от смотровой вниз к реке волны зелени
расходящиеся дорожки, выбирай любую
давай кто быстрее, бросил он и сорвался с места
с носка на пятку, плавно подпружинивая
зависая в сентябрьском теплом воздухе
и каждая мышца, сокращаясь, посылала вперед
камень из пращи точно в цель
его собранное, настроенное тело
напоминало хорошо сыгранный оркестр
он раскрывался в движении
как прыгун с шестом, проходящий над планкой
с таким запасом, что сразу становилось ясно
этот первый
удлиненные мышцы, выпуклая сетка вен
ходячий анатомический атлас
легкая полая кость, как у птиц
в огне не горит, в воде не тонет
в плавках – ага, значит, заранее знал
(интересно, а запасные у него тоже имеются?
и где он их будет переодевать?)
возле пристани катерок
на газонах люди всех возрастов
жующие выпивающие
но больше всего тех, кто целуется
поветрие какое-то или вирус
радиус поражения двести метров
куда ни глянь
на газетках, лавочках, на травке
с трудом отрываясь друг от друга
затуманенным взором смотрят на тебя
кажется, что насмешливо, но это не так
ты их не интересуешь
ты одна такая здесь
неохваченная.
– Как водичка? – спрашиваю, чтобы что-то спросить.
– Сейчас поглядим, – отвечает он и уходит ласточкой в воду.
По дуге почти без всплеска
рисовался, конечно, позировал
наверняка осведомлен о том, как это действует
привел меня сюда, дабы покрасоваться
и все же я чувствовала, что эти выверенные движения
были для него естественным способом

перемещаться в пространстве
не ради меня, но ради возмущения среды
осеннего воздуха, ленивой Москвы-реки
не по сезону густо-синего
непрозрачного неба.

Бисер воды, скатывающийся с плеча. Ночью заморозки, но вода еще держит тепло, градусов пятнадцать – курорт, можно сказать. Мы поспорили с Блиновым и он точно проиграл. Я плаваю под открытым небом круглый год, а Шурик – только в бассейне.

Кто такой Шурик?

Твой одноклассник, чемпион Московской области по плаванию, между прочим. Чемпионил да бросил, в науку

подался. А сердце с непривычки пошаливает, нагрузки-то регулярной нет. Зря я его подбил, как бы чего не вышло.

Вон они, идут, приготовься. Принесла нелегкая.

Он кивнул в сторону дорожки, по которой шли две девушки и высокий кучерявый парень.

Достань сигаретку, в левом кармане. Нет, в левом от меня. Не стесняйся, лезь. И коробок. У нас тут все общее – куртки, деньги, полотенца. Удобно.

(Закурил, смотрит на горящую спичку. Дошло до пальцев, выбросил. Очередная демонстрация или так, привычка ходить по краю.)

Давай заключим пакт о ненападении, если ты понимаешь, о чем я. Понимаешь?

(Стряхнул пепел, смотрит прямо в глаза.)

Неет, это еще не жизнь, *это только наши танцы на грани весны*, такие песни тебе больше нравятся? Я много песен знаю.

(Короткий взгляд мимо меня, на дорожку, оценил расстояние, успеет ли.)

А общага интересное место. Прибыли, заселись, обжились. Она ко мне прилипла, помоги то, помоги се. Сначала еще ничего, потом не знаю зачем... Короче, если ты тоже... В общем, если у тебя тоже кто-то заведется, так и знай – я не в претензии.

Тут ведь как – игра без правил. Главное – свобода, остальное фигня. Согласна?

– Вот ты где, паразит! Загораешь? – сказал кучерявый, здороваясь с Баевым. – Мы тебя с утра ищем.

Две девушки, очень похожие друг на друга, наверное, сестры. Одна тихоня, другая оторва, один на двоих смешной нос картошкой. Которая?

– Как видишь, я не только совершил омовение, но и нашел свидетеля. Это Ася, она из нашей, сто двенадцатой.

Та, что пониже ростом, смерила меня взглядом, потом перевела его на Баева, потом опять на меня. Что-то высчитывает. Понятно.

Не волнуйтесь, девушка, у нас соглашение. Получите своего Баева в целости и сохранности, распишитесь, не забудьте осмотреть на предмет повреждений и царапин.

– Я-то мог бы окунаться и дважды в день, а вот у тебя кишка тонка, – сказал Баев, все еще мокрый, голосом победителя-олимпионика. – Дотянешь до конца сентября, потом сдуешься. Будешь ходить за мной с полотенцами, фиксировать мои личные рекорды.

– Оденься, Даник, – сказала тихоня, та, что пониже ростом. – Хватит тебе. Мы в восхищении, Ася тоже.

(Оказывается, у него есть имя. Даник – это Даниил? Ишь ты...)

– Как это хватит, я только начал! – возмутился Баев и пошел на кудрявого с кулаками. Они немного повозились, потом упали на траву, через минуту Баев уже сидел на своем сопернике верхом.

– Иди ты к черту, водяная крыса, – ругнулся кудрявый, стряхивая его с себя. – Мокрый, склизкий, гадкий. Поглядим, кто за кем ходить будет. Разрешите представиться, – повернулся он ко мне, – Шурик. А это Татьяна и Галина.

Одинаковые кивнули, продолжая меня изучать. Потом тихоня (Татьяна?) вынула из сумки большое полотенце, поймала Баева и начала его усердно растирать выше и ниже пояса.

– Ну вы тут разбирайтесь, а мне пора.

– Эй, мы так не договаривались, – Баев высунулся из полотенца, Татьяна его запихнула обратно, как обезьянку, – у нас по программе прыжки в воду, потом прогулка по аллее славы и возложение сена к бюстику Менделеева.

– Без меня, – сказала я, вставая с его джинсовой курточки. Постелил на земле, чтобы я могла присесть, погреться на солнышке. Хорошая курточка, в левом внутреннем кармане (не от меня, от него) пачка сигарет, называется «Dunhill». В правом мятые деньги, а где ключи? В джинсах, наверное. Настроение почему-то испортилось. – Мне домой почти три часа добираться. Привет бюстику.

– Опять дядя приезжает? – спросил Баев, надевая футболку. – Погоди, мы тебя проводим на вокзал.

– Не стоит, отдыхайте.

Я удалилась как-то слишком поспешно, можно сказать, сбежала. Солнце садилось, тополинное, кленовое, каштановое золото померкло, а я все никак не могла решить, чего же мне сейчас больше хочется – немного поплакать или съесть мороженое. Долго мучилась, потом выбрала «Лакомку», перемазалась, замерзла

опоздала на электричку на какие-то три минуты
потом полчаса ожидания и что-то теплое в груди
как будто подарили вязаный шарф из чистой ангорки
пустой перрон, фонари в радужных иголочках тумана
свободное место у окошка, маленькие станции
будка обходчика, шлагбаум
быстро же я приехала
а вот и папа, встречает, прождал лишних полчаса
и как его отучить, спрашивается, ведь я не ребенок
прямые, косые мышцы
центр парусности легкого, почти невесомого тела
и ямка в основании шеи, вот тут
(это называется – *яремная ямка*)
хотелось прикоснуться губами
пить, попробовать на вкус
речную воду с бензиновыми разводами
сигаретный дым, сладкий, как сентябрь
эту их вольную жизнь
с ее презрением к частной собственности
сезонным колебаниям температуры
и распорядку дня
конечно, понаехали иногородние
заселились, перезнакомились
комнаты дверь в дверь
вино, кино и домино
ритуальные омовения
а я – домашняя девочка-овечка
которой подобная простота нравов

и во сне не снилась
что он ей говорил
про жизнь на свалке
про то, какие они одинаковые
про свободу, конечно, баки заливал
(он это говорит каждой второй, надо полагать)
подумаешь, Татьяна
не очень-то он был рад, когда они появились
и уж если подводить итоги я точно знаю, о чем он сейчас думает а он знает, о чем думаю я.
Одинаковые?
Ничего общего, совершенно.

Гарик

Если Баев хотел повысить градус, то он сделал все правильно. Но это не помогло.

Через неделю я уже влюбилась в Гарика.

Наша англичанка, молодая и смешливая дама, говорила: в этой гоп-компании Игорь самый ответственный и интеллигентный юноша, у него прекрасное произношение и лучшая в группе лягушка. Лягушкой назывался звук [æ], который остальным никак не давался. Не бойтесь мимических морщин, граждане, язвила англичанка. Раззявьте рот пошире, челюсть до колен, как у него. Еще бы, подавал голос Олежка, он из спецшколы, ему положено, а мы дети итээровцев. Гарик, покажи, как ты это делаешь! Тот послушно показывал розовый, как вареная колбаса, язык, группа покатывалась со смеху. Мне не нравилось, что они смеются, но Гарика это нисколько не задевало. Его вообще было трудно задеть, с такой-то самооценкой.

Ладно бы спецшкола! Гарик был поразительно похож на молодого Пастернака, которым я тогда зачитывалась. Удлиненные скулы, чернота зрачка, Марбург, я загорался и гас, я сделал сейчас предложение... Аллитерации, слог, свобода дыхания!..

Но для Гарика Пастернак был пройденным этапом. Жизнерадостный ребенок, вечный подросток, ворчал он. Экспрессия – и что за ней? Предпочитаю невыразительного Кавафиса.

Я не знала, кто такой Кавафис... Маркес, Касарес, Борхес... Пас, Лугонес, Фуэнтес... В нашей домашней библиотеке таких авторов не было, только классики.

Держи, говорил Гарик, принося очередную книжку. Завидую – в первый раз!..

(В первый раз!.. и усмешечка такая, мол, я-то давно ничему не удивляюсь...)

У моей прабабки, говорил он, было поместье в Литве, под Шяуляем, пятьдесят гектаров реликтового леса, конезавод, озеро, яхта. В революцию все бросила и сбежала. Теперь, по слухам, начинают возвращать, но нам не светит, прав нет.

(Никак не привыкну, что он это всерьез. *Помнится, игрывал я на ковре «Хорасан», глядя на гобелен «Пастушка»...*)

В Питере у него имелся фамильный собор, Преображенский. Тот самый, на пушках, который в честь воцарения Елизаветы Петровны возвели. Мой прадед когда-то был его настоятелем. Поедем в Питер – покажу. Жили неподалеку, на Литейном, в доме Антоновой, сейчас там магазин бытовой техники. Я прошлым летом поехал, постоял под окнами, но не зашел – к чему беспокоить посторонних людей?

(А я бы зашла, точно!)

Ладно бы прадед! А предки по материнской линии, упомянутые в «Евгении Онегине» – это как?!

И в какой же главе они упомянуты, спрашиваю. Небось в уничтоженной, десятой?

Не угадала, в третьей, ответил он горделиво.

И все-таки, кто?

Немного помявшись, Гарик процитировал: «Мне галлицизмы будут милы, // Как бурной юности грехи, // Как Богдановича стихи».

Я хохотала.

Балда, говорил он снисходительно, Пушкин высоко ценил поэму Богдановича «Душенька», о чем сообщает в своем письме к такому-то от такого-то месяца года. Ты письма Пушкина вообще читала или сказками ограничилась?

Олежка говорил, что Гарик настоящий *мальчик-мажор*. Однако Гарик был беден, как и все остальные, про Олежку же ходили слухи, что у него *северный коэффициент* и что родители шлют ему с коми-пермяцкого севера не только посылки с теплыми носками, но и переводы, поэтому стипендия для него так, на пиво. Не знаю, не знаю – шиковать он не любил, даже отличался некоторой прижимистостью, но успешно маскировал свои недостатки чувством юмора.

За это чувство нас регулярно выгоняли с лекций, потому что мне немного было надо, только пальчик покажи. Ты что, не умеешь хихикать, как все девчонки? – распекал меня Олежка уже за дверью. Ну что я такого сказал, почему обязательно сразу ржать?

Гарик же никогда не смеялся на лекциях. Нас выдворяли, он продолжал записывать: заголовки красной ручкой, определения зеленой, там подчеркнуть, тут обвести в кружок... У него мы при случае скатывали на контрольных, он великодушно не возражал.

Первое время мы шатались везде втроем, они провожали меня до электрички, ругаясь, что я так далеко живу, и вообще, не могла бы я наконец перестать ездить домой, всем было бы проще. Когда мы пили кофе с пирожными, они препирались, кто будет платить за эту обжору и как поделить/сократить расходы или хотя бы посадить ее на диету. Гарик внушал – посмотри на себя, ты же бочка, где у тебя талия!.. а знаешь ли ты, сколько килокалорий в этих трубочках с масляным, между прочим, кремом?.. Тебе не дали общежитие, потому что ты толстая, развивал тему Олежка. У них в комнате по четыре человека на десяти квадратных метрах. Если заселять таких, как ты, то никаких площадей не хватит. Сейчас посчитаем, сколько влезет на этаж, если воспользоваться моделью плотной шаровой упаковки... Какую решетку возьмем – ОЦК или ГЦК? Или обычную ГП?

Окружающие в ожидании результатов подсчета смотрели оценивающе. Я ела пирожные и смеялась. Пятьдесят два килограмма на сто шестьдесят четыре сантиметра – валяйте, считайте. *Рост Венеры*, сказал один умник с нашего курса, который тоже *подбивал клинья*, чем весьма раздражал Гарика. Я чувствовала себя превосходно в своем весе, возрасте, статусе (эмгэушница!) и между двумя умными и симпатичными однокурсниками.

Разве можно было не влюбиться в одного из них?

Произошло это само собой. После удачного доклада на семинаре по материаловедению я выплыла из аудитории, торжествуя победу. Молоденький аспирант, смущаясь и краснея, похвалил мое наглое выступление, в основе которого лежала пара неточных цитат из Гарика, а также несколько тезисов из брошюрки о сверхпроводниках, которую нам выдали в начале сентября. Похвала подействовала, и я почти поверила, что доклад был блестящим и что он был делом моих рук и моего же ума. Воспарила над собой, перестала смотреть под ноги. И напрасно – поскользнулась на лестнице, спланировала вниз, *летела, свистела и радовалась*, как говорят дети; потеряла туфельку; больно ушиблась копчиком, о чем беседовать совсем не хотелось, хотя сочувствующих набежало предостаточно; порвала колготки – бесповоротно, непоравимо, неэстетично. Коленка сильно кровила, но расстраивало не это, а огромная дыра на самом видном месте, которая расползлась во все стороны при малейшем движении.

Я села на подоконник и задумалась. Гарик пошел на кафедру за йодом. Захвати клей, крикнула я вслед, у них должен быть силикатный.

Потом мы мазали коленку клеем. Судя по всему, для Гарика это был бесконечно захватывающий опыт. Он так старательно клал все новые и новые слои, что мне совестно было его прерывать. Оказалось, что обычный канцелярский клей – прекрасное кровоостанавливающее средство. Было больно, но увлекательно.

Баев вышел из аудитории, долго беседовал с кем-то у дверей, поглядывая на нас сверху вниз. Проходя мимо, он наклонился ко мне и тихо сказал:

– Я был первым.

– Что? – переспросила я.

– Первым человеком на Луне, – ответил он, – тогда, на экзамене. Да хватит ей уже, – бросил он Гарика, – в банке-то ничего не осталось, – сел боком на перила и съехал вниз.

– Я чего-то не понял, – сказал Гарик, аккуратно завинчивая баночку с клеем.

– Я тоже, – ответила я и соврала. Нехорошее чувство, *deja vu* – лестница, коленки – мелькнуло и исчезло. Осталось дожидаться, когда клей высохнет, надеть туфельку и отправиться на бал.

Что-то происходило

Ближе к весне мы с Гариком начали уединяться.

Прячась в гардеробе за колоннами, мы смотрели, как Олежка надевает куртку и уходит, а потом, сохраняя дистанцию, ехали тем же маршрутом, до «Ждановской», или до вокзала. Мне наконец-то надоело каждый день мотаться в Москву и обратно, я все чаще оставалась ночевать у Гарика, в его комнате, а он кое-как на раскладушке.

Высоким на раскладушке трудно, но он терпел, потому что у нас возникал целый вечер – не на улице и не в кафешке, а в маленькой комнатке, больше похожей на шкаф, чем на обиталище человека. Это помещение для прислуги, говорил он, когда-то здесь жила горничная, теперь вот я. Зато один, совсем один.

По вечерам мы читали книжки.

Не знаешь, кто такой Кортасар? Бедняжка, как же ты дожила до преклонных лет... эээ... в такой-то невинности? Засыпай, я почитаю вслух. Начнем с хронопов и фамов, с чего попроще, чтобы культурного шока не возникло. Неподготовленному читателю «Игра в классики» элементарно сносит крышу, а она у тебя и без того...

Мама спрашивает, не дать ли тебе еще одно одеяло. Я давно подозревал, что они хотели девочку. Короче, если так пойдет и дальше, то мне придется выселяться из собственной комнаты. А что твои родители говорят?

Моя мама души не чаяла в Гарике. Наконец-то, радовалась она, у нас появилась надежда, что мы пристроим Аську в надежные руки. Но папа не мог сдать так быстро. Они с Гариком долго ходили кругами как два павиана, выясняющие на расстоянии, чего можно ожидать от противника, и потом папа остановился на умеренном скепсисе. Образование и воспитание – великое дело, говорил он. Они многое компенсируют, если не все. На том и порешили.

В университете мне нравилось. При наличии в группе двадцати с лишним мальчиков всегда находился желающий запаять пробирку, приладить трехгорлую колбу, собрать-разобрать установку, снять полярограмму или подсчитать выход чистого вещества. Ацетиленовой горелки я боялась до чертиков, а между тем она нужна была каждый день, но я ухитрилась ни разу не остаться с ней один на один за все время обучения на химфаке.

(Чужими руками жар загребашь, говорил Олежка, и был, конечно, прав – я делала это сознательно, хотя вообще-то сознательного в той жизни было немного.)

Впрочем, уже к концу первого семестра обучение из разряда главных жизненных целей перешло в цели побочные. Самое интересное происходило между парами и по вечерам. Мы пересмотрели все новое кино на окраинах Москвы; поиграли в «веселых и находчивых» с физиками и филолухами; пережили день химика, который с непривычки пережить трудно, особенно если активно участвовать в работе основных секций. Например, секции «шашни».

Турнир по шашням проводился так: вместо шашек на досках расставляли беленькое и красненькое; кто прошел в дамки – тому водку или коньяк соответственно; ну и понятно, что шашки надо было не есть, а пить. Я сыграла партеечку и расклеилась; Богдан, наша надежда, вошел в десятку лучших; потом его вышиб какой-то пришлый гроссмейстер из группы вычислителей. Ясно, что подготовка у всех была разная, хотя мы регулярно совершали налеты на близлежащий «Балатон», где даже в самые трудные времена можно было раздобыть «Медвежью кровь», токайское или ром. Все эти напитки мы коллективно употребляли, а потом шли купаться в фонтане или в круглом водоемчике перед китайским посольством. Китайцы отрывались от делопроизводства и прилипали к окнам. Не каждый день такое увидишь, особенно зимой.

Потом, с некоторым запозданием по сравнению с окружающими, у меня наступила полоса «Битлз». Из черного школьного фартука и маминого костюма цвета «розовый шок»,

который когда-то был последним пискom моды шестидесятых, я вырезала две сотни мелких деталек и собрала из них пазл – длинный балахон с надписью на спине «I love Beatles» («the» не влезло). Надпись располагалась по диагонали. Когда я выходила из лифта, головы пассажиров были наклонены под углом сорок пять градусов к горизонту.

«Битлз» я любила самозабвенно. Олежка утверждал, что я втюрилась в Маккартни. До Леннона ты еще определено не доросла, говорил он, твой уровень – это максимум «Хелп». Ты вроде тех дурочек, которые с ума сходят на концертах, визжат, бесятся, и никого кроме себя не слышат. А зачем? Они все равно в музыке мало что понимают. Они от собственного визга давно оглохли.

(Ты почему такой сердитый, Олежка? Я тебе чем-то насолила, да? Скажи, чем?)

В стране что-то происходило. Более сознательные однокурсники не расставались с приемниками, иногда даже на лекциях сидели в одном наушнике, чтобы не пропустить нечто важное. С луны свалилась? – удивлялся моим вопросам Шурик Блинов. Тут такое делается! СССР скоро развалится к чертовой матери, а ты!..

К сидящим в одном наушнике относились снисходительно, даже с пониманием, и я быстро сообразила, что могу слушать «Битлз» даже на лекциях – а все потому, что Гарик подарил мне плеер «Sony» и к нему десяток кассет. Я приняла подарок как должное, и тогда Гарику пришлось искать предлог, чтобы рассказать, как он на эту «соньку» целый месяц подрабатывал, иначе его подвиг остался бы неоцененным. (Кажется, он где-то книжками торговал с лотка. Или учил какого-то маменькиного сынка английскому. Не помню.)

У Гарика в кармане всегда лежали батарейки типа два А, он контролировал мои жизненные ресурсы. Это было необходимо, потому что я, оглушенная, на время вообще выпала из жизни. Лежала на его кровати, слушала «Белый альбом», потом «Abbey road» по кругу, редела, смотрела в небо сквозь потолочные перекрытия, на проплывающие облака; Гарик сидел рядом, читал книжечку, ждал, когда очередной боекомплект сядет. На сегодня хватит, говорил он, больше не получишь. Пойдем пить чай, я заварил.

Гарик, какими мы будем, когда закончим универ? Потерянными, взрослыми, занятыми? Что за жизнь там вообще может быть, после? Вот, послушай:

*Out of college money spent, see no future, pay no rent,
All the money's gone, nowhere to go.*

Представляю нас – на трассе, за рулем какой-нибудь желтой «копейки», как мы едем в полях и поем, свободные, счастливые, *oh, that magic feeling – nowhere to go, nowhere to go*. Так будет? Обещаешь?

Лихо, с наскака сдали первую сессию, за ней по инерции вторую. Я получила «отлично» по линейке у самого Штерна, которого боялись все без исключения, даже аспиранты.

Штерн был экзаменатор-легенда. Когда экзаменуемый садился отвечать, Штерн брал его листочек с записями и, ни слова ни говоря, выбрасывал себе за спину. А теперь начнем с начала, говорил он. Пишите. Слушал молча, с непроницаемым лицом, иногда задавая простенькие вопросы, которые эффективно сбивали с толку: «И это, по-вашему, билинейный функционал?», «Это вы так себе представляете ортогональный базис?», «А табличный интеграл выводить не пробовали?»

Когда он взял мою зачетку, чтобы расписаться, я была вне себя от счастья – значит, не два. Вышла из аудитории, чувствуя непреодолимую потребность выпить водки, хотя до сих пор не знала, какова она на вкус.

Налетели: что у тебя?

Не знаю, там.

Выхватили зачетку. Олежка: мама мия! // Баев: четыре, что ли? // Гарик: мне, мне покажите! // Шурик: ну ты даешь!..

Короче говоря, каникулы мы с Гариком заслужили. Съездили в Питер, посмотрели дом на Литейном, ночевали на лавочках, целовались на ступеньках Инженерного замка, на Васильевском объяснились на качелях, там же и уснули. Все будет хорошо, вот увидишь. Мама ждет не дождется, а формальности потом.

Июль и август провели в деревне, в бревенчатом доме, с радиоприемником, подшивками толстых журналов, комарами, грибами-ягодами и огромными, невероятной светосилы звездами, которые мешали спать, если на ночь не закрыть шторы. Мама Гарика встретила, устроила, а через неделю уехала в Москву, оставив дом в нашем распоряжении.

Почему-то с этого места мы начали ругаться, все больше по пустякам. Хороший поэт Бродский или плохой; кто был прав, Бор или Эйнштейн; добавлять майонез в салат из помидоров или нет; сделать варенье из черники или съесть ее так; оставить посуду на ночь или вымыть прямо сейчас. Вопросов оказалось так много, и все они были такие насущные, что я никак не могла взять в толк – где они прятались до сих пор. Раньше мне казалось, что мы идеальная пара, север и юг, красный и синий, а тут как будто два одноименных заряда из всех сил прижимали друг к другу, а они отталкивались, в точности как в учебнике для пятого класса – и никаких чудес.

В день перед отъездом я смертельно обиделась уже не помню на что, и в знак протеста просидела в реке два часа, обгорела до пузырей. Как заносили в поезд, что дальше было – помню смутно. Температура сорок и две десятых, спать только сидя, потому что лечь не на что... Гарик стойчески переносил роль сестры милосердия, мазал меня тошнотворным снадобьем с запахом тухлой рыбы, переворачивал как мумию, снимал гнойные бинты, не моргнув глазом провожал до двери туалета и ни разу не сорвался на обычные нравоучения относительно того, что если бы некоторые слушали, когда им говорят...

От того лета у меня остались крупные веснушки по плечам и маленькая оспинка на лбу. Может быть, что-то еще?

Приступить к занятиям оказалось ох как нелегко. Я все больше была озадачена собственным выбором, как личным, так и профессиональным. Химия далеко простирает руки свои в дела человеческие, но не настолько же!.. Гарик продолжал исправно посещать лекции, он теперь учился за двоих. Я появлялась только на контрольных, но даже для списывания теперь требовалось сверхъестественное усилие – они успели сильно продвинуться, изучали какую-то зонную теорию, группы симметрии, теорем...

Я спотыкалась о незнакомые значки и слова, как будто перерисовывала китайские иероглифы. Гарик злился, но не выдергивал свою тетрадь у меня из-под носа; старался писать убористо, чтобы реже переворачивать страницы; перешел на черновики, чтобы с них могли списывать набело сразу двое; делал за один квант времени два варианта, но ничего не помогало. *Зверева покати́лась по наклонной*, резюмировал наш староста Володя Качусов. Гарику понравилось это выражение, и он включил его в свой лексикон.

К концу семестра вопрос встал ребром. Дайте ей шанс, умолял комиссию по отчислению (сокр.: «компот») добросердечный Качусов. Она подтянется, мы поможем.

Но помогло отнюдь не его заступничество. В тот раз меня спасла Леночка Баркова, которая собралась замуж. О ее намерении бросить учебу были осведомлены даже наверху. Замдекана мне так и сказал – ваше счастье, что Леночка выбывает, а у Фоминой положение хотя и лучше вашего, но тоже довольно шаткое. Мы не можем оставить двести двенадцатую группу без женского общества. Был у нас такой опыт – ничего хорошего. Сначала они перестают бриться, потом вообще теряют человеческий облик. Будь на вашем месте юноша, давно бы вылетел... Ну что ж, попробуйте.

В его голосе было столько скепсиса, что я засомневалась, нужен ли мне этот химфак и не лучше ли сразу замуж. Интересно, а если бы я была дурнушка, хромоножка или очкарик?

Замуж, замуж, радовался Гарик. Жена-домохозяйка, не отягощенная сопроматом – что еще нужно для того, чтобы спокойно встретить старость? Я тебя приму любой – с высшим образованием или без него, главное решиться.

Решиться не получалось. Ходить на занятия тоже – посещаемость упала до нуля, потому что одна из основных аттракций, ради которой я иногда появлялась на химфаке, некоторое время назад отпала. Баев в составе двести двенадцатой больше не числился, потому что он отчислился еще в мае, на первом курсе, по собственному желанию.

Сурик

Узнала я об этом в буфете, посреди длиннющей очереди, которая упиралась в следующую пару. Богдан, загадочно усмехаясь, сказал, что Баев переезжает в Главное здание, в высотку, будет жить у Самсона на всем готовеньком, как сыр в масле. Собирается поступать второй раз, на ВМК.

Вопросов больше, чем ответов. Кто такой Самсон? Почему как сыр в масле? С какого перепуга он вдруг решил стать программистом?

А ну его, внезапно рассердившись, сказал Богдан. Может быть, у него действительно интерес к компьютерам, кто знает. К Самсонову же у него интерес самый что ни на есть шкурный, хотя это и не моего ума дело. Короче, от Самсона только что ушел его последний фаворит, место свободно, ну Баев и взял его в оборот.

Как, ты не знаешь? Пашка Самсонов – председатель объединенного студкома, заведует ресурсами, в том числе квадратными метрами, из какой хошь передрыги вытащит, устроит, накормит и обогреет. Вообще-то он хороший мужик, но со слабостями. Баев же ничего не боится – ни слабостей, ни общественного мнения. Поехал жить к нему. Говорит, хорошо живем, дружно. Пашка, можно сказать, бесплатный абонемент в цирк получил. А ты что, спрашиваю? А я хорошего товарища, ответил он. Правда, трудновато Самсону приходится. Я не по этой части, где сядешь, там и слезешь. Он страдает, но терпит. Ну дык я предупреждал.

Погоди, Богданчик, ты хочешь сказать...

Ай, ничего я не хочу сказать!.. И так уже сказал больше, чем следовало бы. Самому противно... Лучше давай о тебе. Шурик говорит, ты замуж собралась?

(Господи, и он туда же...)

Май в разгаре, мы заканчиваем неорганический практикум. Каких-то две недели – и не надо будет умолять Володьку в очередной раз поставить мне в журнал плюсики вместо «опозд» или «нб». Чем ближе к лету, тем труднее удержаться в рамках учебного плана. Я с досадой думаю о том, на что мы тратим лучшие годы жизни, синтезируя вещества, которые стоят перед нами на стеллажах, только они там гораздо чище и качественней. Отсыпаем, смешиваем, греем, сушим, запаиваем, а время-то идет!..

Из предпоследней темы мне достался синтез оксида свинца, а на полке – буквально рукой подать – как раз находилось то, что нужно. Рассыпчатый порошок, на этикетке баночки простенькая формула «Pb₃O₄», мелкими буквами «сурик», нежное рыжее животное, новорожденная лань на тоненьких ножках, количеством не то три, не то четыре, это как художник изобразит.

Сомнения терзают молодого ученого – не проще ли?.. И тут в практикуме появляется Баев, которого мы давненько не видели. Поговаривали что: 1) она от него ушла и он в запое, 2) пришла повестка и он в армии, 3) ему просто все надоело.

Какая «она» имелась в виду, неясно. Татьяну он бросил, быстро завел другую, и опять некрасивую, – почему-то они у него были как на подбор, – но и ее надолго не хватило. Зимой Баев появился со старшекурсницей с истфака, она была очень умная, очень. Ее звали Лия, и глаза у нее были грустные. Огромные черные глаза, как у княжны Мери, сказал Олежка. Долго не протянет.

Лия продержалась дольше всех, мы даже успели с ней подружиться, как вдруг Баев снова решил все переиграть.

В последний раз я видела ее после решающего разговора. Баев может быть очень жестким, если нужно, сказала она спокойно. Перегрызает горло безболезненно, одним движением, но зато как артистично!.. Я аж заслушалась. (Лия вынула из сумочки пачку «Родопи», чиркнула зажигалкой, а ведь полгода назад она не курила, я точно помню). Держись от него подальше,

мой тебе совет. Впрочем, кто бы говорил... В свое время я получила аналогичный наказ от другой заплаканной вдовы. Но мы не будем плакать, потому что жизнь продолжается, или ЖП, и она прекрасна.

Баев заявился в практикум, все побросали приборы и столпились у двери. Кто бы мог подумать, что он столь популярен, подумала я ревниво. Лаборантка пригрозила позвать кого следует и мы вышли в коридор.

– Ты чего приперся?

– О, чувствую товарищеский локоть, прямо в бок. Приперся за документами. Ну здравствуй, девушка в белом халатике.

– Что это у тебя?

– Бегунок. На официальном жаргоне – обходной лист. Это такая бумажка, где надо собрать образцы почерков нашего начальства, чтобы потом их подделать в случае крайней необходимости. Шучу. Я должен получить письменные подтверждения, что не зажил ли ни одной книжки, ни одного журнальчика, не спер дистиллятор, не разбил дефлегматор и вообще был пай-мальчик. Я увольняюсь, представь себе.

– Да на здоровье. – Надо было изобразить равнодушие, непременно. Значит, ему и впрямь все надоело... – Куда потом? Домой?

– Ну уж нет. Нас и тут неплохо кормят. Кстати, о еде – ты сейчас что подельываешь?

– Да вот, сурик сочиняю.

– Сбежать не получится? Есть идея – отмечаем мою отставку и переезд в ГЗ. Богданчик сбежал утречком в «Балатон» и все раздобыл.

– Богданчик у тебя на побегушечках?

– С чего ты взяла? Мы в доле. Я тоже бегал, за тортиком. Затарились токайским, салатиком «Глобус», а для особо привередливых купили «Прагу». Итого через час в нашей комнате. Ты как?

– Вообще-то положительно, но меры придется принимать внештатные. Ты толкаешь меня на должностное преступление.

– Должен же кто-то посадить жирное пятно на твою крахмальную репутацию.

– Ах, какая там репутация, воспоминания одни...

– Короче, ждем тебя через час. Если хочешь, захвати своего аристократа. Он нам расскажет, как правильно пить токай, а то мы все из горла да из горла.

– Эй, полегче.

– Извини, вырвалось. Удачи тебе, совершай преступление – и ко мне, прикрою.

Возвращаюсь на рабочее место, недрогнувшей рукой сыплю сурик из банки в пустую пробирку, Олежка ее запаивает. Шефа пока нет, оставляю пробирку в условленном месте, кладу под нее записку: «Сурик. Зверева А., 112 гр.» – чистая правда, чистый сурик, задание выполнено. Иди, говорит Олежка, мы тебя догоним.

Конечно, пешком. Во-первых, близко, во-вторых, яблони зацвели.

Аллеи посыпаны солью, снегом, сахарными лепестками; зимний негатив, ретроградная петля; пленка, с которой не сделано ни одного отпечатка; свежая, ни разу не стриженная трава, коротенькая, словно челка жеребенка...

Салатик, тортик – и домой. А если увязну – Гарик выручит.

До сих пор ведь получалось?

Заходи, сказал Блинов, гостем будешь. Где твои оруженосцы?

Сражаются с суриком о трех головах. А ты почему дома?

Я на хозяйстве.

А где Баев?

Спит.

Спит?! Интересное дело! Я, может быть, тоже сегодня не выспалась, но это не повод..

(Конечно, не выпалась. Ночь – идеальное время, чтобы обливаться слезами под «Here, there and everywhere». Ладно, и я не прочь вздремнуть, пока народ собирается. Вон там, в закуточке.)

Ну и гость пошел, сказал Богдан, откупоривая бутылку. Сегодня день какой-то странный, говорят, аномальная вспышка на Солнце. Правда, до земли она дойдет только через три дня, а вы уже полегли. Метеопаты.

Проснулась оттого, что кто-то сидел рядом, на краешке кровати.

Скоро кончится век, как короток век;

Ты, наверное, ждешь – или нет?

Погладил по щеке, не просыпайся, еще не пора. Неважно, что они там делают. Ничего не делают, пьют, едят, на нас не глядят. Да, я ухожу, совсем. Твой Гарик остается за старшего, а ты слушайся его, если вообще умеешь кого-то слушаться.

Но сегодня был снег, и к тебе не пройдешь,

Не оставив следа; а зачем этот след?

Или сделай вид, что спишь, так будет лучше, не надо потом притворяться, что забыла – и лестницу, и набережную, и круглый водоем возле посольства, когда ты стояла с полотенцем у кромки льда, и сегодняшней день, почти вечер. Теплый-претеплый Шурик, раскачиваясь на стуле, говорит – оставь девчонку в покое, пусть дрыхнет, а мы с тобой рому, а сам еле держится за стакан; Богдан разглядывает бутылку на просвет, выражение лица многозначительное; Гарик спиной ко мне, повернуться не в его правилах, он не может себе этого позволить.

Но они есть они, ты есть ты, я есть я.

Черт подери, завели самое сокровенное. Размягчаешься, а надо быть твердым, твердокаменным. Конечно, потом свалим на токайское. Мол, был нетрезв, раскаиваюсь, обещаю загладить.

Ведь я напыюсь как свинья, я усну под столом;

В этом обществе я нелюдим.

Я никогда не умел быть первым из всех,

Но я не терплю быть вторым.

Господи, я только теперь заметила, как блестят глаза. Неужто всплакнуть собирается?

Но в этом мире случайностей нет,

И не мне сожалеть о судьбе.

Нет, это была улыбка, но какая-то очень растроганная. Я не знала тогда, что он сентиментален до чертиков и прослезиться ему раз плюнуть. И хорошо, что не знала.

Он играет им всем, ты играешь ему,

Так позволь, я сыграю тебе.

Да ничего он не сказал. Я все выдумала.

У него было доброе лицо и он погладил меня по щеке – и только-то. Олежка, не выдержав, заорал, что мы опоздаем, и они вытряхнули меня на пол. Как же так, она же ж не съела ничего, охал Шурик. Ничего, переживет. Ей незачем, она пыльцой питается. Сам видел, как ей подарили букет, а она отщипнула лепесток и съела. Ну чисто *жыботное*. Вставай, соня ореховая, электричку проспидишь. Ты вроде собиралась сегодня к маме.

А мне не надо на электричку.

Как это не надо? Почему?

По кочану. И отстаньте от меня. Такой сон приснился, хочу досмотреть.

Квартира номер пятьдесят

Искали и нашли. Что искали, а не случайно набрали, поняла сразу, как только увидела тебя идущим по дорожке; рядом бородатый дядька в очках, рослый, взрослый (Самсон? хороший мужик, но со слабостями?); побежала тебе навстречу, прыгнула на шею, запоздало сообщив, что Гарик смотрит, что ему неприятно... Ничего, спишем это на детскую непосредственность, немного нарочитую. Ведь если бы мы сейчас встретили Олежку, я бы сделала то же самое, да?

Сбивчиво, потому что и было сбивчиво. Осенняя сочная листва, теплый денек; я бессовестно рада тебе, рада просто так, нипочему; встретились – и можно идти дальше, окунуться в эту осень, спрятать лицо в ее ладонях; спрятать улыбку или оставить; улыбаться Гарику, ведь мы не виделись целую неделю, его не было в Москве, а теперь есть.

Обнялись, повисели друг на друге, обменялись новостями; Самсон насупленно ждал в сторонке; Гарик на пределе, вид нейтральный; сейчас Баев скажет «ну пока», и уйдет. Но вместо «пока» он внезапно предложил пересечься завтра. А не махнуть ли нам на Садовую, триста два бис, квартира – правильно – номер пятьдесят? Уверен, это местечко тебе знакомо по прошлой жизни, Аська. Гарик, ты как?

Гарик восторга не выказал, но согласился. Баев назначил нам обоим в пять часов, у Михайлы Васильича.

Чувство всеобщей сопричастности, когда можно быть вместе и порознь, по двое и по трое; ощущение собственной прозрачности, когда ты как осколок стекла, в котором солнце, умножаясь, слепит глаза, яркое и хрупкое одновременно; стоило только распрощаться и пойти дальше, как это чувство померкло, сдулось, лопнуло, наткнувшись на Гарику и его голос, на его бодрое терпение, с которым он уводил меня подальше от того злосчастного места; ты идешь? идешь или нет, мы опоздаем! – чертов практикун, я иду, иду! если сумею отвести взгляд.

Гарик продолжает там, где его прервали – об имущественных вопросах, о бревенчатом доме, который, как выяснилось, стоит неправильно, незаконно; его надо сносить и строить заново, или бегать по кабинетам с бумажками, и он бегал; я отстоял наш дом, правда, нам это влетело в копеечку, ну неважно; у соседей теперь есть лошадь, представляешь, маленькая лошадка как раз для тебя, летом можно будет покататься, я спрашивал.

Так мы пойдем завтра или нет? К Воланду?

А ты хочешь?

Хочу, конечно.

Хорошо, давай пойдем. Давно я там не был.

День декаданса. Нас трое и мы оказываемся в лодке.

Нет, не так.

Что может быть приятнее, чем хлопнуть дубовой крышкой парты, потом вниз по лестнице через мраморный вестибюль – и на волю. Я быстрее, Гарик поотстал, напоролся на научного, итого у меня приличная фора, но для чего она мне?

Лавочки вокруг Ломоносова пусты, занята одна – моя любимая, под сиреневым кустом; подхожу тихо, чтобы не спугнуть; что это мы читаем, «Мастера»? Поднимает голову, его глаза с вертикальными зрачками, один пуст и черен как игольное ушко. *Пришла все-таки.*

На скамейку падает Гарик, в руках пакет с горячими булочками. Успел побывать в буфете, проскочил без очереди, или это мы так долго разговаривали/молчали?

Надеюсь, они не поставили кодовый замок, сказал Гарик. Там все такое запущенное, Аська, тебе не понравится. И на стенах черт-те что. Кстати, я тут принес... – и он достал из рюкзачка три чисто вымытых куриных косточки.

Клево, сказал Баев, я бы не додумался. Гарик покраснел от удовольствия. Мы рассовали косточки по карманам и пошли.

В восемнадцать лет настает пора декаданса. Нет ни щенячьей радости шестнадцати, ни подчеркнутой зрелости семнадцати. Душа безмерно устала. И не говорите, бога ради, что все впереди, какая пошлость!.. Впереди только бром бессонниц и разочарование. Это Гарик подпортил мне настроение своими нотациями, я надулась, молчу.

Подумаешь, списать ей не дали! Я тоже последний номер не решил, ну и что? Получишь свою четверку, или тройбан... За первые три задачи я ручаюсь, там все правильно. А вообще-то пора гайки закручивать. В следующий раз отсыду к Вовику. Он хотя бы не будет под руку ныть, что у меня почерк корявый.

Ну, и разве можно со мной вот так разговаривать?! Пусть даже свистящим шепотом, чтобы посторонние не слышали...

Баев искоса поглядывает на нас, рожа хитрая. Смешно ему. А чего смешного-то?

Идем по Садовой, покупаем апельсин, несем его по очереди. Ищем дом триста два бис, благоговейно входим в загаженный подъезд. Куда теперь?

Рисунки и признания ползут по стене как плесень – краска, ножичек, карандаш, уголек, зажигалка; на потолке портреты, ужасные; Маргарита – ведьма, Бегемот – обугленная груша, Воланд похож на Фредди Крюгера; Садовая превращается в улицу Вязов, пожарные едут домой, нам нечего делать здесь, говорит Гарик разочарованно.

За дверью нехорошей квартиры – машбюро, орава крашенных блондинок, армия крашенных ногтей; чей-то голос бубнит – постановили, разъяснили, закрыли, вынесли на вид; после каждого предложения – пулеметные очереди, готово, впечатано, утверждаю, дзиньк, возврат каретки. Гарик, поморщившись, трогает пальцем стену. Мы с Баевым обреченно прислоняемся к дверному косяку и одновременно замечаем: *«Я остался таким же, как был, но я до сих пор не умею прощаться с теми, кого я любил»*. Знакомая фраза, и ради нее мы здесь.

Гарик: эвакуировать жильцов, облить бензином и поджечь. Сил моих нет смотреть на это безобразие. Баев: здесь должен быть чердак, это же старый дом. Тетки с пишмашинками туда не полезут. Гарик: вы как хотите, а я внизу подожду, в лужице поплешусь...

Баев: Аська, не бойся, я тебя поймаю. И потом – ты должна уметь летать.

Ржавая пожарная лестница на чердак начинается на уровне второго этажа, но как туда добраться? Сама лестница – одно название, несколько перекладин, ни площадок, ни перил. Фигня, говорит Баев, используем подручные средства, ведь нам позарез надо на крышу. Подтаскивает какие-то ящики и бочки, сооружает помост эквилибриста и, цепляясь за выступы в кладке, – подумаешь, человек-паук, фыркнул Гарик, – забирается на лестницу и исчезает в открытом окне третьего этажа. Через минуту на первом этаже вылетает стекло; солдатики, занятые на покраске соседнего дома, бросают работу и ждут продолжения; Баев высовывается из окна и говорит Гарику: *«Тут черный ход прямо на чердак, снизу не попасть, заколочено. Поддай мне Аську. Или пусть она влезет вон туда»*.

Со мной он и вовсе немногословен: *«Руку!»*.

И вот мы на чердаке; по потолку цепочка кошачьих следов, нарисованных углем, Бегемот жив! – кричу я, и гулкое эхо подтверждает – жив! На крыше чудо – последнее в городе зеленое дерево, свеженькое, летнее, шелестит листвой; под нами дворы, Садовое кольцо, булгаковская Москва; возле трубы кто-то оставил настоящую, всамделишную метлу...

Я знал, говорит Баев. Ты должна была тут оказаться. Приветствую вас, Королева.

Обратно было куда сложнее. Я флажком висела на нижней перекладине, эти двое стояли внизу и призывали спрыгнуть на неравновесную (сразу видно!) конструкцию из ящиков, солдатики скандировали: *«Прыгай, не трус!»*. И вовсе не от избытка храбрости, а по причине усталости мои руки разжались и я рухнула вниз.

– На метле было бы проще, – заметил Баев.

– Из окна первого этажа тем более. Зачем же ты меня на лестницу поволок, спрашивается? А я как дура пошла...

– Потому что так интереснее, – ответил Баев с этой своей улыбочкой. – С первого этажа кто угодно прыгнет, но мы ведь не кто угодно. Мы избранные. Нам иначе нельзя.

Собрали со стен всю краску, ту, что еще не осыпалась, синюю, въедливую. Держались за руки, грели синие пальцы, несли по очереди синий апельсин. На берегу Патриарших чей-то мальчик водил по воде огромный деревянный ящик. Это ялик, сказал он важно. А когда отплываем? – спросил Баев и обменял ялик на апельсин. Мы сели и даже поплыли.

По идее, из лодки должен был раздаваться визг легкомысленных гражданок, которые боятся упасть за борт и с упоением брызгают на своих кавалеров холодной и грязной водой. Но мы внезапно опомнились и погрустнели. Нас трое, мы должны быть печальны и молчаливы. Я вспомнила, что мне не дали списать четвертый номер, и несколько раз повторила про себя «я вас не люблю», «ни того ни другого» – звучало убедительно – и тут же испугалась, что ялик перевернется. С рук на руки была высажена на берег, мы отдали веревочку мальчику и пошли по Садовой, молчаливые и печальные.

Стемнело, похолодало, Баев прикурил у парочки на лавочке, оглядел нас скептически – замерзли? Ну ладно, проваливайте домой. Вам пешком, а я на метро. До скоренького.

Два письма

Милый мой, хороший,
ничего не понимаю, не хочу понимать. Что с нами будет?

Впервые в жизни мне грустно, а ведь это не в моем характере. Я ведь сангвиник, да? Попрыгунья-стрекоза?

Письма не приходят, ты неизвестно где, а я-то тем более. Может, ты прав и лучше нам не встречаться? Говорят, из «хуже» иногда получается «лучше». Если честно, то мне – «хуже». Подождем, не будем ничего менять?

Выводила старательно, потом бросила ручку и засмеялась. Милая моя, кому ты пишешь? Кому из них двоих? Получается, что обоим сразу, вот в чем загвоздка.

День декаданса продолжается. Игра оказалась увлекательной – доведем же ее до конца.

На последней контрольной была задачка на разделение переменных, и ты ее не решила, а Гарик удивился – это же так просто, смотри. И разделил. Иксы справа, игреки слева, те и другие инкогнито, но каждый теперь на своем месте.

Прекрасный метод, попробуем?

Игреку

Ты получился слева, а должен быть справа. Такой правильный, такой ортогональный, как базис, на котором можно провести любое преобразование, упростить, разделить, построить. Одеваться по погоде, жить по плану... Ох, не верь всему, что я говорю. Ведь это от злости, но откуда бы ей взяться?

И вовсе ты не такой. У тебя не только лягушка самая лучшая, ты вообще вне конкуренции. Почему ты решил, что я ничего не помню? Вот, слушай.

Середина апреля, земля оттаяла, она не предаст, она вся – солнце. Мы медленно перемещались по университетскому парку, от лавочки к лавочке, чтобы успеть снова поцеловаться, потому что физкультура подходила к концу, а ты согласился пропустить только физкультуру.

В промежутках между двумя лавочками ты рассказал, как первого сентября пришел в аудиторию № 437, группа еще не собралась, и ты занял место у окна, возле чахлого фикуса, которому определенно тут не нравилось, еще бы – собирать пыль, абсорбировать вредные вещества, вытяжки-то на все не хватает. Следом появился румяный парень с комсомольским значком, Володечка Качусов. Пришла Наташка, села в первый ряд, достала зеркальце, быстро оглядела себя, успокоилась, приготовилась внимать. Потом ввалилась толпа человек десять, трудно было понять, кто есть кто. Вплыла Леночка Баркова, выражение лица у нее было скупающее, она сразу же выставила баллы всем присутствующим, подсчитала на своем внутреннем арифмометре, и никто не дотянул до нижней границы. Потом, сказал ты, зашла еще одна девица в короткой юбочке, постояла в дверях, выбирая, куда бы ей приземлиться, направилась ко мне, но не дошла, села чуть поодаль, положила сумочку на стол, достала конфету, освободила кое-как от обертки и сунула в рот. И я почему-то подумал – вот моя будущая жена. Глупо, да? Ведь ты меня даже не заметила.

Ошибаешься, заметила. Ты был какой-то обросший, после лета, наверное. Еще помню, как ты вскочил, когда назвали твое имя, опрокинул стул. А потом ты посетил парикмахерскую и превратился в аристократа. Леночка подкорректировала свои калькуляции, но было поздно. Ранняя седина, тонкие пальцы виолончелиста, сострил Олежка, а потом выяснилось, что ты таки да, учился восемь лет. Правда, слушать это невозможно. Играешь ты средне, уж прости, но седина тебе к лицу.

А дальше? Наше лето, старый дом, велосипед у двери, письма из соседней комнаты, когда было трудно говорить, чтобы не сказать слишком мало или слишком много, последнее штормовое предупреждение, письма, все чаще грустные, обложные дожди, слоистые сны...

Наверное, стоит попробовать снова и
Ведь не может это закончиться так нелепо

Иксу

И откуда ты свалился на мою голову! Вернулись в Москву, первым делом пошли искать тебя. Гарик поплелся за мной, проклиная все на свете, но не мог же он пустить это на самотек. Столкнулись у главного входа, ты был с Самсоном, в той же джинсовой курточке. Мы узнали, что ты снова студент-первокурсник, довольный жизнью, купающийся в Самсоновых благодеяниях. Поболтали, разошлись. Я, между прочим, даже не оглянулась. Институт фаворитизма, вздохнул Гарик, миньоны великого и ужасного Самсона, председателя земного шара, с карманами, полными талонов на бесплатное питание. За что такое счастье, как ты думаешь? А я не думаю. Я потом у тебя поинтересуюсь, при случае, если он когда-нибудь настанет.

Вчера днем была у Шурика Блинова, опять прогуливалась, потому что он обещал научить целоваться как-то по-особенному. Из любопытства я решила попробовать, но не обнаружила ничего интересного в способе имени Блинова. Было скучно и где-то нехорошо, хотя поцелуи получились совсем невинные. Я согласилась только потому, что без эксперимента Шурик отказывался сообщить, где именно ты живешь и что поделяешься. (Вру, конечно. Вообще-то мне нет дела ни до тебя, ни до твоего телефона.) Шурик проводил меня до дома, дело было полночь и я не знаю, успел ли он на обратную электричку. С тех пор я его не видела. Получила три записочки укоряющего содержания, что, мол, обучение надо бы продолжить. Дурак. Сразу видно, бывший спортсмен.

У тебя теперь насыщенная жизнь, интересная, как нам когда-то рассказывали первого сентября. Надо же, войти в одну воду дважды. Снова закрутить с Лией, снова бросить ее... Почему-то мне кажется, что твои глаза выцветают. Ты запутался? Ты совсем запутался в своих историях. Или дело в расстоянии? Оно стало невозможно большим. Я хочу видеть тебя, видеть тебя. Вот, написала, а легче не стало. Видеть тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.